

Расскажи о танце, Махмуд!

Помню его юного, вечно возбужденного, с изяществом тореадора делавшего все, что касается танца. Тогда — лет 16—17 назад — он еще только начинал. Но если это было начало, то совершенно необычное. Зрители, специалисты видели не новичка, а яркого, своеобразного художника.

В театре оперы и балета столицы Киргизии Фрунзе Махмуд одного за другим выводил на сцену своих героев: огненного Гирея в «Бахчисарайском фонтане», Злого тения в «Лебедином озере», необузданного, ретивого атамана разбойников в национальном балете «Чолпон». Среди других исполнителей он выделялся своей раскованностью, полетом, могуществом красок.

Вскоре он простился с Фрунзе. В Москве стал лауреатом всесоюзного конкурса. Игорь Моисеев, поставивший ему «Таджикский танец с ножками», уже тогда говорил: «Эсамбаев — это явление в нашем искусстве».

Промчались годы. И вот Махмуд в Петрозаводске. Вижу того же быстрого, изящного, но изменившегося Махмуда. Как уловить эти перемены?

На сценикуме читает в микрофон ведущая: — Леди и джентльмены, леди и джентльмены! Только у нас вы можете увидеть танец «Автомат». Человек-автомат, он не живет, а служит. Как робот, он не имеет права на усталость...

«Автомат»? Этот танец Махмуд создал много лет назад, еще во Фрунзе. Но сегодня он уже не тот автомат — беззаботно прыгающий человек в цилиндре. Стихия заученных движений, идущая во многом от интуиции, уступила место обдуманному расчету. Точно соблюдая маску, экономно распоряжаясь жестом, Эсамбаев беспощадно вскрывает трагедию человека в капиталистическом мире.

Да, его танец стал зрелее, мудрее. Воинственную песнь сражающегося на арене тореадора Эсамбаев смело переводит в публицистически заостренный мотив — и вот уже красная мантилья, что дразнила быка, становится боевым знаменем непокоренной Испании. А в легенде о Золотом божестве он движениями головы, рук и мимикой лица сумел рассказать целую историю народа. В этом сложнейшем танце древнеиндийской школы Бхарат-Натьям точность исполнителя трудно чем-либо измерить.

Спрашиваю Махмуда:

— Как ты сочиняешь свои образы, ищешь рисунок танца?

— Видишь ли, каждый цветок имеет свои краски, свой аромат. Так и в танце. А выдумывать ничего не надо. Прочел Шолом-Алейхему, и сразу стало ясно, что получится танец «Портняжки».

Или вот «Аве Мария». Во время гастролей в Америке меня пригласили в Голливуд. Здесь я уви-

дел многих, которые, как в сеансе гипноза, были погружены на дно этого «города грез». И среди них — исполнитель роли Тарзана в нашумевшем кинобоевике Джон Вайс Мюллер. Он был похож на человека, надломленного жизнью. Работу ему давали только временную, да и то черновую — давали, как милостыню. А рядом, в церкви, аккуратные дети пели чистыми голосами «Аве Мария».

Потом, много позднее, я видел в купе вагона мальчика, который что-то читал. Заглянул в книгу: там о фашистах, что под музыку Шуберта, развлекаясь, вырывали ногти у своих жертв. Я мысленно вернулся к американским впечатлениям и быстро сделал танец. Восемь минут на сцене в одежде нищего. Мольба о милостыне, о тихом дне. И разочарование. Этому человеку, которого когда-то пытали под мелодию «Аве Мария», больше нечего ждать, кроме жалкой монеты, брошенной случайным прохожим. Я не копировал в танце чью-то судьбу. Я искал образ. В своих программах я показываю счастье и несчастья людей земли. Это мое оружие, оно всегда должно быть точным и острым.

— Махмуд, люди думают, что ты рожден для танца и потому тебе все легко дается.

— Если легко на сцене — значит, адски тяжело было все дни, когда думал о танце, готовил его. Выжимаешь из себя все на тренаже. Мне 44 года,

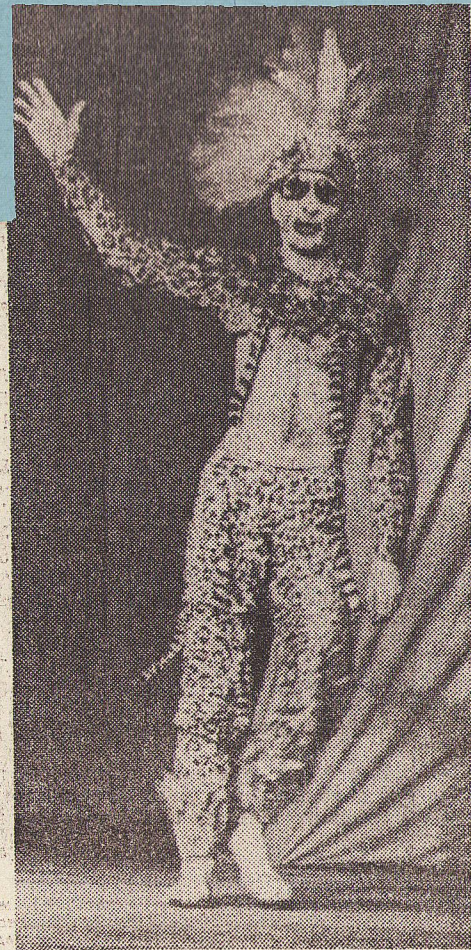
я думаю танцевать лет до шестидесяти.

«Я буду танцевать». Когда-то Азербайджанская киностудия показывала художественный фильм под таким названием. В нем Махмуд Эсамбаев играл самого себя. Помните биографический момент? Родители хотели видеть его врачом или инженером, били за своеволие. Но сын горцев из аула Старые-Атаги мечтал об орлином взлете — о танце. Махмуд стал знаменитым артистом. Его искусство, захватывающее и неповторимое, перешагнуло границы родной Чечено-Ингушетии. Сегодня Махмуда Эсамбаева знает вся страна, его приветствуют на рубежах. Во время гастролей во Франции, в демонстрации там фильма «В мире танца», посвященного кавказскому танцовщику, академик искусства Марсель Ашар сказал, что Эсамбаев — сенсация для парижан. Он выступал в Колумбии, и самым популярным в те дни было изречение киноамериканских зрителей: «Если Колумб открыл Америку, то Махмуд Эсамбаев открыл нам наш колумбийский танец».

— Я счастлив, что нашел себя в танце, — говорит в заключение нашей беседы М. Эсамбаев. Счастлив, что могу дарить людям радость.

Э. КОПЫЛОВ.

На снимке: Махмуд Эсамбаев танцует «Махмуду». Фото П. Беззубенко.

Ленинская правда, г. Петрозаводск, 1970, 8 июля